

Ги Бретон

История любви
в истории Франции

Век распутства

Ги Бретон
Век распутства
Серия «Истории любви в
истории Франции», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9368128

История любви в истории Франции: Т. 5. Век распутства / Пер. с фр.

В. А. Чечета (текст), В. В. Егорова (стихи).: Этерна; Москва; 2012

ISBN 978-5-480-00059-7, 978-5-480-00228-7

Аннотация

Женщины помогли установлению монархии во Франции. И именно женщины в конце концов привели к ее падению. И это никого не должно никого удивлять... История Франции – это история галантных походов. Ведь падение монархии имело под собой, если вспомнить слова социолога Андре Ривуара, «сексуальную почву». И можно с полным основанием утверждать, что, если бы Людовик XV не так много внимания уделял женщинам, а Людовик XVI не был бы полумпотентом, Великой французской революции никогда бы и не было...

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	44
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ги Бретон

История любви в истории Франции

GUY BRETON

HISTOIRES D'AMOUR DE L'HISTOIRE DE FRANCE

Иллюстрации – Алексей Куколев

Дизайн переплета – Александр Архутик

В оформлении использован фрагмент работы Жана Оно-ре Фрагонара «Счастливые возможности качелей» (ок. 1768)

Бесстыдство и разврат, процветавшие во Франции в XVIII веке, можно образно сравнить с женской грудью.

Давая отраду глазам мужчин, она была наполнена горьким молоком, вызвавшим страшные судороги у всей страны.

Ведь падение монархии имело под собой, если вспомнить слова социолога Андре Ривуара, «сексуальную почву». И можно с полным основанием утверждать, что, если бы Людовик XV не так много внимания уделял женщинам, а Людовик XVI не был бы полуимпотентом, Великой французской

революции никогда бы не было.

Неуемная половая страсть одного и вынужденное целомудрие другого окончательно уронили престиж королевской власти, во что, по моему глубокому убеждению, наиболее весомый вклад внес Людовик XVI, ставший главной мишенью для насмешек.

В самом деле, простой народ никогда бы и не ставил под сомнение добродетель Марии Антуанетты, если бы Людовик XVI был бы полноценным мужчиной. И рядовые французы не прониклись бы ненавистью к красивой австрийке, если бы авторы многочисленных язвительных куплетов не предъявили ей множество шокирующих обвинений, известных всем...

В то самое время, когда французы отождествляли монархию с государыней, со всех сторон поливаемой грязью ложных обвинений, никому не известные люди, движимые личными интересами (или попав под влияние женщин), отыскивали слабые места в государственном устройстве и в один прекрасный день свергли монархию.

Таким образом, Великая французская революция, кап и большинство великих событий нашей истории, почти полностью замешана на сексе.

Женщины помогли установлению монархии во Франции, о чем я попытался рассказать в предыдущих томах моего произведения. И именно женщины в конце концов привели к падению монархии...

И это не должно никого удивлять. В стране, где уважение к хронологии заставляет людей ощущать себя прежде всего галлами, а уже потом французами, женщины всегда оказывали значительное влияние на политику.

История Франции – это история галантных походов.

Вероятно, именно этим можно объяснить, почему в наши дни представительный орган страны, ассамблея, заседает в палате...¹

Глава 1

Поездка за город была предпринята с целью лишить невинности Людовика XV

*Свобода, которой пользуются в провинции, очень
удобная вещь!*
Теофил Готье

Утром 10 марта 1724 года, когда в Версале зацвели первые гиацинты, закрывшийся в спальне с прелестной девочкой Людовик XV с упоением предавался своему любимому занятию. Собравшиеся в соседней комнате слуги, отлично зная вкусы своего хозяина, перемигивались друг с другом, дав волю своему воображению.

Неожиданно из комнаты, где находился король, начали раздаваться довольно странные звуки, послышался сильный треск; и слуги подумали, что государь напрасно для своих забав забрался на кровать.

Так же неожиданно крики прекратились.

— Он ее раздавил, — воскликнул один из слуг. Самый любопытный приник к замочной скважине.

— Нет, теперь он уже научился их ловить.

В самом деле игравший с подружкой Людовик XV... пой-

мал муху.

Такое необычное времяпрепровождение может показаться на первый взгляд странным для короля Франции. Но, узнав, в каком возрасте был монарх, можно оправдать его легкомысленное поведение: в ту пору ему исполнилось всего четырнадцать лет, а его подруге – восемь.

Вот уже целых двадцать месяцев как король был помолвлен с юной инфантой Испании Марией-Анной-Викторией, которая жила во дворце вместе со своим будущим супругом как родная сестра.

И каждый день они увлеченно ловили мух. Это было единственным «развлечением», которое могло развеять меланхолию короля.

Наигравшись вдоволь, Марии-Анне-Виктории вдруг захотелось найти и приласкать кошку.

– А если я ее найду, вы меня поцелуете?

Людовик XV задумался, ибо он недолюбливал девчонок.

– Поцелуете ли вы меня? – продолжала настаивать инфанта.

– Да, – нехотя ответил король.

Отыскав кошку, инфанта протянула ее королю, которому пришлось все-таки выполнить обещание и поцеловать девочку в лоб.

Покраснев, инфанта подняла глаза на короля.

– Как вы красивы, – произнесла девочка, – и похожи на куропатку.

Странный комплимент вызвал раздражение у Людовика XV. Когда он выходил из комнаты, у него было твердое намерение никогда больше не целовать женщин.

Впрочем, у него были дела и поважнее.

После смерти регента король все свое свободное время посвящал охоте, которую обожал, или же наукам, к которым не испытывал особой тяги.

Наставником короля был бывший епископ Фрежюса, по имени Флери², — умный, честный человек, острый на язык и обладавший исключительно тонким политическим чутьем. Этот прелат был известен своим благонравием и, не следуя примеру кардинала Дюбуа, заслужившего репутацию большого развратника, имел всего лишь одну любовницу, госпожу де Кариньян, дававшую ему время от времени весьма полезные советы.

К сожалению, выбранная им система образования не была самой лучшей. Он учил короля игре в карты, танцевать кадрили, а также показывал ему различные фокусы, которые могли бы заинтересовать иллюзиониста, но никак не могли оказаться полезными королю при управлении государством. Иногда, взяв в руки карты, прелат показывал своему ученику, как в мгновение ока можно выбросить из колоды короля.

Занятие, надо сказать, довольно любопытное для королевского наставника.

Изредка господин Флери преподавал Людовику XV закон Божий и правила правописания. Однако следует признать,

что этими столь полезными предметами он не слишком часто обременял короля.

И можно понять, почему молодой государь был крайне невежественен.

Впрочем, образование его нисколько не интересовало. в жизни он больше всего любил физические упражнения. Целыми днями он мог носиться по лесам, охотясь на оленя, дикого кабана, волка, лисицу, что укрепляло мышцы его довольно хилого от рождения тела. Проведя весь день в седле, довольный хорошо проведенным временем, он возвращался со свитой придворных слуг, едва державшихся на ногах и забрызганных грязью с головы до ног.

Но такой удивительной выносливостю сопутствовал, к сожалению, очень тяжелый характер. Современники утверждали, что Людовик XV во время изнурительного перехода часто оставлял позади выбившегося из сил маршала Ноайя, а бывали даже случаи, когда он запускал творожной массой в лица священников, приказывал брить брови своим оруженосцам и забавлялся тем, что пускал стрелы в большой живот господина де Сурша...

Многим придворным не нравились подобные выходки. «Однажды, – писал с грустью Матье Маре, – король закатил звонкую оплеуху стоявшему ближе всего к нему королевскому камердинеру Бонтаму, когда во время одевания на него случайно едва не надели рубашку первого дворянина ассамблеи герцога де Тремуайя.

Это, конечно, пришлось не по вкусу придворным, отнюдь не одобрявшим рукоприкладства».

К сожалению, столь бесцеремонное обращение короля со своими подданными поощрялось недавно назначенным премьер-министром герцогом Бурбонским, правнуком великого Конде, который был, надо признать со всей откровенностью, личностью отвратительнейшей, как внешне – он был одноглазым горбуном, так и внутренне – отличался чрезвычайно злобным характером и ограниченным умом.

Впрочем, именно он старался развивать у молодого короля пристрастие к охоте и склонность к карточным играм – два порока, которые станут главными в жизни Людовика XV до тех пор, пока им на смену не появятся другие... На первый взгляд может показаться странным, почему этот мускулистый и весьма активный юноша не испытывал никакого влечения к женщинам. Мало того, современники свидетельствуют, что он «от них бегал как от чумы» и даже не смотрел в их сторону. Маршал Вийар писал, что «король был увлечен только охотой, игрой в карты и любил вкусно поесть, не обращая свой прекрасный и юный взор ни на одну даму, которые, впрочем, только об этом и мечтали. Однако про короля нельзя было сказать, что физически он не созрел: в свои неполные пятнадцать лет он выглядел на все восемнадцать»³.

Ложная добродетель Людовика XV была столь велика, что однажды он выгнал из Версаля одного камердинера только за

то, что тот осмелился привести любовницу в свою комнату...

Такое странное отвращение к женщинам сполна компенсировалось интересом к удовольствиям другого рода. Некоторые летописцы донесли до нас сведения, что король питал слишком нежные чувства к молодому герцогу де Тремуйя, «который сделал государя своим Генимедом» и, похоже, склонял его пойти по скользкой дорожке⁴.

В «Мемуарах» маршала Вийара содержались, по всей вероятности, некоторые уточнения по этому поводу, по цензуре вычеркнула их из соображений нравственности.

Таким образом, инцидент был исчерпан. Однако при дворе опасались, что король сможет повторить ошибку. Поэтому в июне 1724 года Людовика XV отправили погостить к герцогу Бурбонскому в Шантийи, чтобы там попытаться лишить его невинности.

В качестве почетного эскорта в поездку с королем отправились семнадцать молодых девиц, не отличавшихся высокой нравственностью.

30 июня, ровно в полдень, когда солнце стояло так высоко, что королевские слуги прятались от жары в прохладных коридорах, молодые женщины покинули дворец и отправились в путь, радуясь, что одной из них, возможно, удастся лишить невинности этого прекрасного как бог молодого человека.

Впереди всех в открытой карете ехал Людовик XV, улыбаясь приветствующим его французам. Бедолага и не подозревал, о чем сговорились придворные. Не замечал он и лука-

вых взглядов обитателей Версаля, которые, разумеется, были в курсе дела.

– Посмотрим, – говорили они друг другу, – какая из этих прелестных женщин удостоится чести лишить невинности нашего государя.

Королевские подданные посмеивались, глядя на своего государя, а Людовик XV наивно полагал, что народ счастлив, если смеется.

Женская половина обитателей Версаля украдкой поглядывала на юного монарха. Они не скрывали своей зависти к девушкам, облеченным почетной миссией овладеть королем Франции.

Разумеется, для объяснения цели поездки были найдены самые банальные причины. Но земля полна слухов. Так и на этот раз многие горожане знали, зачем король отправился в это путешествие. Вот что писал по этому поводу Барбье⁵:

«В Париже распространился слух о том, что в Шантийи произойдут большие события, однако истинная цель поездки весьма пикантна: при дворе решили привить королю вкус к женщинам и лишить его невинности. Высказывалось даже мнение, что такая мера будет способствовать становлению его характера и придаст его внешности более мужественный вид и, помимо всего, сделает его более покладистым. В самом деле, в королевском эскорте не было ни одного юноши. Все сопровождавшие короля мужчины были зрелого возраста. Проведение «операции» было возложено

на мадам Лаврийер, которой поручалось заняться им лично или же передать свои полномочия молоденькой герцогине д'Эпернон, обладавшей приятной внешностью. Однако предпочтение все-таки отдавалось мадам Лаврийер: она была тоже недурна собой, но имела гораздо больший опыт в любовных делах. А некоторые придворные и вовсе опасались, что юной герцогине будет не по силам справиться со столь ответственной задачей...»⁶

По приезде в Шантийи были организованы развлечения на свежем воздухе: прогулки, игры в прятки. И все молодые женщины наперебой стремились завлечь Людовика XV вглубь леса. Но всякий раз раздосадованный подросток упрямо выскальзывал из их рук.

В конце концов молодые дамы были вынуждены признать свое поражение. Поставленная перед ними задача оказалась непосильной. В начале августа Барбье сделал в своем дневнике следующую запись: «Похоже, что поездка так и не достигла своей цели. Король занят только охотой и совсем не желает проявить свою мужественность, что, на мой взгляд, весьма огорчительно, так как он хорошо сложен и имеет привлекательную внешность. Но что поделаешь, если таков его выбор? Он волен сам собой распоряжаться. Все попытки женщин соблазнить короля привели лишь к тому, что к известной песенке о штопальнице чулок Маргарите был добавлен еще один куплет:

Торговка мясом жареным Марго
Дружку сказала: «Милый, погляди
На этот сброд. А почему это его
Везут с таким почетом в Шантийи?
Как, чтоб невинности лишить
Лишь одного, нагнали столько слуг?
Да стоило ли так народ смешить
И приглашать семнадцать шлюх?»

Во время поездки в Шантийи Людовик XV так и не познал удовольствий, получаемых от общения с женщинами, и по-прежнему оставался девственником, о чем печалились все придворные дамы. Однако, не теряя надежды, они продолжали бросать страстные взгляды на короля. Не было придворной красавицы, которая не старалась бы как можно чаще попадаться ему на глаза, прогуливаясь вокруг и изо всех сил вихляя бедрами.

Но, как и прежде, успеха они не добились: короля занимала только игра в карты. Женщины не представляли для него никакого интереса.

И вот тут-то одна из них, мадемуазель Шароле, сестра герцога Бурбонского, которой шел уже двадцать девятый год, решила попытать счастья там, где другие женщины до нее терпели поражение. Она была довольно привлекательна и обладала живым темпераментом, имея в своем активе множество любовных приключений.

Для начала красавица стала напропалую кокетничать с ко-

ролем, но успеха не имела. Не отчаиваясь, она переменила тактику и стала крутиться вокруг короля, только вздыхая и поглаживая себя, словно кошка, а однажды вечером так осмелела, что подсунула в карман королю записку с любовными стихами:

Вы по характеру ужасно нелюдимы,
Но взглядом очень многих обольстили,
Как можно, чтоб вы не были любимы
И в столь молодые лета не любили?

Коли любовь вам дать урок желает,
Отдайтесь ей, не говоря ни слова:
Любовь давно всем миром управляет,
Она – всему прекрасному основа.

Людовик XV не ответил. Но усилия молодой женщины не пропали даром: в его характере стали происходить перемены, что привело к тому, что он постепенно изменил свое отношение к женщинам. В этом смогли убедиться придворные однажды вечером, на приеме у графини Тулузской в Рамбуйе, когда одна из приглашенных дам, будучи беременной, вдруг почувствовала первые схватки.

– Я думаю, – воскликнула молодая женщина, – что головка ребенка уже прошла...

Испуганные гости срочно послали за акушером. Людовик с беспокойством в голосе спросил:

– Если потребуется срочная операция, кто ее сможет провести?

Среди приглашенных находился королевский хирург Лапейронни.

– Государь, – сказал он, – мне не впервой принимать роды.

– Возможно, – произнесла мадемуазель Шароле, – но для такой операции требуется опыт, а вы, наверное, уже забыли, как это делается.

Слова молодой женщины больно задели хирурга.

– Не беспокойтесь, мадемуазель, – ответил он, – кто умеет положить, тот сумеет и вынуть.

Слова хирурга возмутили присутствующих, а Лапейронни, покраснев до корней волос, с испугом посмотрел на Людовика XV.

Но король только расхохотался...

Ни на что не претендуя, мадемуазель Шароле все-таки удалось заставить короля распрощаться со своей показной добродетелью.

Глава 2

Любовница герцога Бурбонского расстроила свадьбу Людовика XV и Инфанты

*Благодаря мадам де При Испания породнилась с
австрийским домом.
Пьер Жирар*

Пока Людовик XV пребывал в полном неведении об удовольствиях, высоко ценимых его предками, герцог Бурбонский, напротив, предавался им с упоением вместе со своей любовницей, мадам де При, женщиной не только прелестной, но и большой мерзавкой. По словам Дюкло, «красивая внешность и тонкий ум помогали ей скрывать под маской наивности самый страшный порок – лживость. Считая добродетель лишенным всякого смысла словом, мадам де При была испорчена до мозга костей. Смиренная на вид, но распутная по своей сути, она без зазрения совести изменяла своему любовнику»⁷.

В то же время эта очаровательная особа имела над герцогом Бурбонским такую власть, что стала в государстве самой могущественной персоной⁸.

Мадам де При не знала предела своим честолюбивым замыслам и была готова на все ради наживы. Спекулируя хлебом, наживаясь на понижении курса денег, она заставила герцога восстановить старый феодальный налог, назначаемый по случаю вступления в новую должность, затем добилась от Лондона пенсии в сорок тысяч фунтов стерлингов за помощь в проведении выгодной для англичан политики.

В конце 1734 года мадам де При занялась необычным делом: она решила подыскать жену своему любовнику.

Зная, что герцогиня Бурбонская, мать премьер-министра, хочет женить сына, мадам де При решила опередить события и найти ему такую жену, при которой она по-прежнему удерживала бы бразды правления в своих руках.

Для такого важного дела могла подойти только девушка скромного происхождения, неприметной внешности, застенчивая, лишенная честолюбия, не склонная к интригам, которая будет всю жизнь чувствовать себя обязанной за оказанную ей честь.

В конце концов мадам де При повезло: после долгих розысков она нашла такое сокровище. Ею оказалась дочь Станислава Лещинского⁹, проживавшая в уединении в большом полуразрушенном доме в Виссембурге, что находился в Нижнем Эльзасе. Ее отец, ставший благодаря усилиям шведского короля Карла XII королем Польши в 1704 году, был некоторое время спустя смещен с трона и после многих лишений нашел наконец убежище во Франции. К тому же он

был беден.

Марии в ту пору шел двадцатый год.

После нескольких месяцев переговоров с бывшим королем Польши он дал согласие отдать свою Марысю замуж за премьер-министра Франции.

Однако к окончательному соглашению они не могли прийти в течение двух с половиной лет.

Неожиданно в начале 1725 года переговоры возобновились, и мадам де При отправила в Виссембург художника Пьера Гольберта, чтобы тот написал портрет принцессы.

В конце марта художник отослал свое полотно во Францию, и семья Лещинских с волнением стала ждать вердикта герцога Бурбонского.

Они и не подозревали, какие последствия будет иметь для них этот портрет.

Именно на их Марысю и пал выбор мадам де При.

Мадам де При едва взглянула на портрет, когда его доставили в Версаль. Ее в то время мучили другие заботы, связанные с увлечением короля охотой. Она не переставала думать о том, что король может однажды во время охоты простыть, заболеть и покинуть этот мир, не оставив после себя потомства, а корона перейдет к герцогу Орлеанскому, сыну регента.

А это было серьезной угрозой могуществу мадам де При: ведь герцог Бурбонский был из рода Конде, заклетыми вра-

гами которого были герцоги Орлеанские. Власть, богатство, замки – все может улетучиться в одно мгновение, если во главе государства станет герцог Орлеанский.

Чтобы избежать этой катастрофы, королю необходимо было обзавестись потомством. К несчастью, маленькой инфанте Марии-Анне-Виктории, помолвленной с Людовиком в 1722 году, было всего восемь лет и она не достигла брачного возраста. После мучительных раздумий мадам де При посоветовала герцогу расторгнуть помолвку с инфантой и подыскать Людовику XV новую невесту, на которой он мог бы немедленно жениться.

Премьер-министр колебался, хорошо понимая, что расторжение помолвки могло повлечь за собой серьезные политические последствия. Уже три года маленькая инфанта проживала в Версале. Ее возвращение в Испанию могло быть воспринято в Испании как оскорбление и послужить причиной объявления войны.

Мадам де При понадобилось несколько дней, чтобы убедить герцога Бурбонского. Ей пришлось прибегнуть к самым веским, достойным Макиавелли аргументам, говоря, что возведение на престол герцога Орлеанского грозит для них отставкой, опалой, унижением и разорением...

Однажды Людовик XV заболел. И вот тут-то герцога, все еще колеблющегося и не решающегося следовать советам любовницы, охватила паника. «Его спальня находилась как раз под покоем короля, – писал Дюкло. – Вдруг посреди

ночи ему послышался необычный шум в спальне короля. Он тут же вскочил с постели и, подгоняемый страхом, устремился в покои короля, не успев даже одеться. Королевский хирург Марешаль, расположившийся на ночлег в передней королевской спальни, был очень удивлен появлению герцога в столь неурочный час. Естественно, он обратился к нему с вопросом, что случилось. Герцог от волнения не мог даже вымолвить ни слова. Наконец, запинаясь, он произнес: «Я услышал шум. Король болен... Что мне делать?» Марешалю стоило большого труда успокоить герцога и убедить его возвратиться к себе. Однако, провожая герцога до двери, он услышал, как тот произнес, словно разговаривая сам с собой: «Если только король выздоровеет, надо его женить...»

Мадам де При одержала победу.

Несколько дней спустя герцог настоял, чтобы Государственный совет принял решение об отъезде инфанты в Испанию.

Получив письмо, уведомляющее о скором приезде дочери домой, Филипп V, совсем не ожидавший подобного вероломства со стороны французского двора, пришел в неописуемую ярость. Из Испании были немедленно высланы французские послы вместе с двумя дочерьми Филиппа Орлеанского, вдовой Людовика I и мадемуазель Божоле, которая должна была выйти замуж за дона Карлоса. Все французские консулы получили приказ покинуть испанские порты в течение двадцати четырех часов, а все испанские послы были

отозваны из Франции.

Оскорбленная и униженная, Испания надолго стала считать Францию своим заклятым врагом и заключила союз с австрийским домом.

В таком повороте событий виновата была лишь одна мадам де При.

Гибельные последствия разрыва с испанским домом мало беспокоили любовницу премьер-министра, более всего озабоченную поисками супруги для короля. Ведь герцог, отправив в спешке инфанту, не подыскал ей достойной замены. Что же касается Людовика XV, то он совсем не огорчился, когда 5 апреля 1725 года инфанта убыла на родину.

К поискам будущей королевы Франции двор подошел с полной ответственностью. Был составлен список всех незамужних принцесс Европы с указанием дома, возраста, религии. И тут обнаружилось, что из ста принцесс, на которых мог бы жениться Людовик XV, сорок четыре были старше двадцати четырех лет и не подходили ему по возрасту, десять принцесс принадлежали побочным ветвям королевского дома или же были слишком бедны, двадцать девять кандидаток были моложе двенадцати лет. Оставалось всего семнадцать принцесс, среди которых можно было искать невесту королю¹⁰.

Первой в списке стояла английская принцесса. Но от нее пришлось отказаться: король Англии был категорически

против, так как его дочь и Людовик исповедовали разные религии. Герцог Бурбонский тут же решил просватать свою собственную сестру, мадемуазель Вермандуа. Возможно, это ему бы и удалось сделать, если бы претендентка на трон не совершила однажды вечером непростительную ошибку, оскорбив мадам де При, которую не выносила. Фаворитка, посмотрев ей прямо в глаза, произнесла всего лишь одну фразу:

– Ты никогда не будешь королевой.

На следующий же день она сумела доказать своему любовнику, что вся Европа возмутится таким выбором, когда «увидит, что молодой монарх оказался под башмаком этой несносной эгоистки». Герцогу пришлось расстаться со своим планом, и поиски невесты, не способной затмить собой мадам де При, продолжались.

Некоторые принцессы были вполне подходящими невестами, но имели весьма незначительные изъяны. Так, например, принцесса Португалии была вычеркнута из списка кандидатов лишь из-за того, что у нее был слабоумный папаша. А вот от принцессы из княжества Гессен-Ренфельд пришлось отказаться потому, что до французского двора дошли слухи, что ее мать якобы поочередно рожала то дочь, то кролика¹¹, что было бы весьма прискорбно для потомства Бурбонов...

Короче говоря, поиски невесты затянулись, и уже многие европейские дворы начали посмеиваться над французским

королем.

Вот тогда-то мадам де При нашла выход из, казалось бы, безнадежной ситуации.

Она вспомнила, что еще при рассмотрении первого списка кандидатур было вычеркнуто имя одной принцессы по той простой причине, что та была слишком бедной и не могла принести богатого приданого. И этой золушкой оказалась дочь Станислава Лещинского.

Фаворитка тут же поняла, какие преимущества она могла бы извлечь, женив короля на бедной польской принцессе: ведь королева была бы ей обязана всем. Она попросила герцога отказаться от своей невесты и показать королю портрет, написанный Пьером Гольбертом. Людовик XV был очарован красотой девушки и уже на следующий день объявил Королевскому совету о согласии взять в жены Марию Лещинскую. И в Виссембург было отправлено письмо.

Кардинал Роан собственноручно вручил послание бывшему польскому королю. Станислав Лещинский так был ошеломлен предложением французского короля, что бегом бросился в соседнюю комнату, где, как обычно, проводили время за шитьем его жена и дочь.

– Преклоним колени, – воскликнул он, – и поблагодарим Бога.

– О мой отец. Вас призывают на польский трон? – спросила Мария.

– Нет, моя девочка, небо к нам еще более благосклонно.

Ты будешь королевой Франции.

«Вне себя от счастья», по признанию самого бывшего польского короля, Лещинские упали на колени и вознесли молитву Богу за проявленную к ним милость.

Хранить тайну о предстоящей свадьбе удавалось только в течение нескольких недель. Но в конце концов челночные поездки из Версаля в Виссембург и обратно привлекли внимание придворных, которые быстро разгадали причину. Весть о предстоящем неравном браке французского короля с бедной польской принцессой пришлась не по вкусу как вельможам, так и простому народу. Такие известные люди, как Вольтер, находили тысячу изъянов у принцессы. По городу разнеслись самые неправдоподобные слухи. Так, например, рассказывали, что у Марии были сросшиеся пальцы и что она в детстве перенесла золотуху.

Не обращая внимания на кривотолки, король объявил о своей свадьбе 27 мая. После этого весь двор переместился в Виссембург. Чтобы подчеркнуть бедность Лещинской, мадам де При подарила Марии дюжину рубашек; впрочем, они ей пришлись весьма кстати...

Пока будущая королева Франции готовилась к отъезду в Фонтенбло, наставник Людовика XV, забросив все государственные дела, занялся половым воспитанием своего ученика. Он показывал ему рисунки с соответствующими сюжетами, а Башелье поручил молодому художнику, писавшему

картины с обнаженной натуры, принести рисунки, показывающие «натуру в действии».

Однако их усилия были напрасны: король не проявлял интереса к такой живописи. Тогда воспитатели решили пойти еще дальше: они раздобыли мраморные статуи обнаженных женщин и давали ему их погладить, и все для того, чтобы подготовить короля к первой брачной ночи, когда он окажется в одной постели с польской принцессой, такой же юной и неопытной, как и он.

Совершив триумфальный переезд из Виссембурга под приветственные крики попадавшихся ей навстречу прохожих, Мария прибыла 5 сентября в Фонтенбло. Свадебная церемония, состоявшаяся в часовне, затянулась настолько, что невеста даже лишилась чувств. И вот вечером Людовик XV – а ему в ту пору едва исполнилось пятнадцать лет – оказался, наконец, в постели со своей молодой женой. Как же повел себя король? Был ли он растерян, неловок, стыдлив? Похоже, что нет, если верить словам герцога Бурбонского, написанным на следующий день в письме, адресованном Станиславу Лещинскому:

«Ваше Величество, позвольте мне сообщить Вам некоторые подробности первой брачной ночи короля, которые, естественно, не должны предаваться огласке. Но я довожу их до Вас с единственной целью, чтобы убедить Вас в том, что королева чрезвычайно понравилась королю. И это не про-

сто досужие вымыслы придворных. Доказательством такого отношения короля явилось то, что Людовик XV, посмотрев комедию в королевском театре и насладившись зрелищем праздничного фейерверка, отправился в спальню королевы, где в течение ночи семь раз доказывал ей свою любовь. Проснувшись, король оповестил меня об этом, послав ко мне свое доверенное лицо. Когда я вошел в его покои, он мне еще раз повторил, что он в восторге от удовольствия, доставленного ему королевой»¹².

Немного задержавшись в своем половом развитии, Людовик XV, тем не менее, достойно начал карьеру любвеобильного венценосца...

А мадам де При теперь могла быть спокойна за свое будущее: молодая королева только что познала удовольствие, за которое будет ей вечно признательна...

Глава 3

Стремясь к абсолютной власти, кардинал де Флери подбирает любовницу для короля...

*Подарок прелата – всегда дар неба.
Франсуа Мориак*

Целых три месяца Людовик и Мария наслаждались в Фонтенбло прелестями волшебного медового месяца.

Король, во власти внезапной и долго сдерживаемой страсти, каждый вечер посещал королеву в ее покоях и совершал подвиги, восхищавшие многоопытных придворных дам и лакеев, не отходивших ни на минуту от их двери.

Благодаря этим заинтересованным наблюдателям, каждое утро из уст в уста передавались два коротких, но полных глубокого значения слова. Герцоги, маркизы, герцогини, графини, простые дворяне, встречаясь друг с другом в коридорах дворца, произносили: «шесть раз» или «семь раз», или даже «восемь раз».

Что означало количество любовных сражений, в которых Людовик XV противостоял лицом к лицу в течение долгой ночи своей супруге на королевской постели.

Услышав заветную цифру, многие дамы недоверчиво по-

качивали головами, мечтая о том, как бы поскорее оказаться на месте королевы.

А некоторые из них, и вовсе потеряв голову, осаждали короля легкомысленными предложениями, пытаясь соблазнить его. Однако Людовик XV оставался равнодушным к их проискам: он любил Марию Лещинскую.

Вскоре безразличие короля к придворным дамам стало предметом пересудов во дворце. В те замечательные времена считалось, что король обязательно должен иметь любовницу, а супружеская верность, по общему мнению, была не только признаком дурного тона, но и недостатком, вызывающим насмешки.

Некоторые придворные старались обратить внимание короля на молоденьких стройных девушек, находящихся в избытке во дворце. Как правило, все попытки такого рода заканчивались неудачей, а король повторял каждый раз одно и то же:

– А королева все же красивее!

Если король высоко ценил прелести Марии, то она, в ответ, горела такой безудержной и пылкой страстью, что по своей простоте написала отцу в одном из писем: «Никогда никто не любил на свете так, как я его люблю...»

Однако королева все же робела перед Людовиком XV и, после того как получала ночью «все королевские почести», наутро вновь становилась скромной и неприметной прин-

цессой, какой в свое время она была в Виссембурге.

Сердечная и любезная, она стремилась угодить всем дамам своей свиты, а к мадам де При испытывала чувство глубокой признательности, называя ее своей дорогой благодетельницей.

Фаворитка герцога Бурбонского не замедлила воспользоваться таким расположением королевы, чтобы полностью подчинить ее своей воле. Вот что писал Барбье о растущем влиянии мадам де При: «После свадьбы в Фонтенбло король, охваченный страстью, каждую ночь проводил в ее покоях. В то же время бросается в глаза и то, что королева попала под полное влияние мадам де При. Она не может ни свободно высказываться, ни писать письма. В любой момент в ее покои может войти мадам де При, чтобы посмотреть, чем она занимается»¹³.

Первого декабря двор покинул Фонтенбло и в каретах, подпрыгивающих на ухабах плохих и обледеневших дорог, направился в Версаль, чтобы провести там зиму.

Королева была потрясена величием дворца, и ее робость по отношению к королю возросла еще больше. Мадам де При опять воспользовалась этим обстоятельством, чтобы уже окончательно подчинить себе молодую женщину и еще более укрепить свое могущество в королевстве, создав своему любовнику, герцогу Бурбонскому, необходимые условия для занятия спекуляцией.

Не подозревая о том, какую роль ее заставили играть, и

порой даже не понимая смысла произнесенных по подсказке слов, молодая королева выполняла любое желание своих «покровителей». Позднее она была весьма удивлена, узнав, что невольно стала сообщницей герцога и его любовницы, оставивших весь город без продовольствия и наживших на этом целое состояние!

Лето в тот год выдалось дождливым, и урожай зерновых был очень скудным. Вместо того чтобы завезти зерно из провинций, где погода была более благоприятной, а урожай – более обильным, герцог Бурбонский и мадам де При сделали все, что в их силах, чтобы воспрепятствовать снабжению Парижа зерном и оставить город без муки.

Когда в булочных не стало хлеба, а цены на муку возросли в сотни раз, они выбросили на рынок зерно, которым были забиты склады их сообщника Самуэля Бернара.

Ловкая махинация принесла им девять миллионов ливров чистого дохода...

Весной преступная парочка решила избавиться от Флери, присутствие которого связывало их по рукам и ногам, и Мария оказалась вовлеченной, сама того не ведая, в интригу против бывшего епископа Фрежюса. Месть его была довольно любопытной: он потребовал от короля воздержаться на время от выполнения своих супружеских обязанностей. Людовик XV был послушным прихожанином, как писал герцог Лиенский, «и в течение семнадцати, а то и двадцати дней строго следовал указанию своего наставника»¹⁴.

Королева, уже успевшая привыкнуть к ежевечерним посещениям короля, с трудом переживала свое вынужденное воздержание. Наконец, потеряв терпение, она призвала маршала Вийара и простодушно, со слезами на глазах призналась, что король больше не спит с ней, а ей этого очень не хватает. Вийар знал обо всем, что происходило во дворце. Он посоветовал Марии не поддерживать больше герцога Бурбонского и встать на сторону епископа.

Королева послушалась его совета и объяснилась с Флери. И в тот же вечер Людовик XV лег в ее постель.

Двор, естественно, зная о том, что королева проводила ночи в одиночестве, начал уже поговаривать о скором разводе. Но после того как король посетил спальню королевы, придворные поняли, что Флери продолжает оставаться влиятельным государственным деятелем, с мнением которого считается сам король, и перешли на его сторону.

К июню премьер-министр практически остался не у дел. По совету Флери король приказал ему перебраться в Шантийи. А мадам де При была вынуждена отправиться в свой родовой замок в Курбепин, в далекую Нормандию¹⁵.

Это известие было встречено в Париже с ликованием. Парижане праздновали отставку герцога Бурбонского и мадам де При с размахом, устроив танцы на улицах столицы. На стенах домов были расклеены плакаты со стихами, высмеивавшими фаворитку герцога. Вот текст одной из таких афиш:

СТО ПИСТОЛЕЙ ТОМУ, КТО НАЙДЕТ ПРОПАЖУ

Недавно на дороге, ведущей из Парижа в Шантийи, потелась очень ценная¹⁶ кобыла, которая следовала по пятам за одноглазым жеребцом¹⁷.

А в Версальском дворце все придворные повторяли каламбур:

– Теперь двору нет цены.

Сразу же после изгнания герцога Бурбонского Флери, который должен был стать епископом в сентябре, начал фактически выполнять обязанности премьер-министра, хотя и не был официально назначен на этот пост. Людовик XV практически отошел от решения государственных вопросов, уезжая на охоту или же предаваясь любовным утехам с королевой.

В результате такой активной деятельности в двух жизненно важных для государства областях обеденный стол во дворце ежедневно пополнялся дичью, а Мария Лещинская родила двух девочек-близнецов в 1727 году, девочку в 1728 году, дофина в 1729 году, герцога Анжуйского в 1730 году, мадам Софию в 1734 году, Терезу Фелесите в 1736 году и Луизу-Марию в 1737 году.

Начиная с 1732 года королева почувствовала некоторую усталость. И время от времени она любила повторять:

– Разве можно это вынести! Все время одно и то же: зани-

маться любовью, ходить беремен ной и рожать¹⁸.

Совсем не по вкусу пришлись королю такие слова, и он даже не пытался скрыть своей досады. И тут же женская половина дворца, ожидавшая своего часа в течение долгих семи лет, воспрянула духом. У дам появилась надежда, что теперь-то уже наверняка государь станет мужчиной во всех отношениях, что на их языке означало: он наконец-то обзаведется любовницей.

Однако Людовик XV все еще не мог решиться на такой шаг и продолжал вести образ жизни добропорядочного семьянина среди двора, погрязшего в разврате, где даже служители церкви не могли служить примером. Все только и говорили о том, что аббат Клермона похитил танцовщицу, всем известную Камарго, а епископ из Люсона умер от несварения желудка на руках своей любовницы мадам де Руврей.

Вот одна из историй, наглядно иллюстрирующая нравы двора того времени, напечатанная в «Скандальной хронике»: «Однажды один из стражников короля нес службу на парадной лестнице Версальского дворца. Перед ним остановилась дама из высшего общества. Не вытерпев соблазна, он запустил руку под ее юбку, что вызвало страшное негодование последней. Но шутник, нимало не смущаясь, произнес: – О мадам! Если у вас так же твердо и непоколебимо сердце, как ягодицы вашего прекрасного тела, то я пропащий человек!

Оскорбленная дама не смогла удержаться от улыбки и

простила нахала за удачный комплимент»¹⁹.

Из всех придворных дам наиболее распутной считалась мадемуазель Шароле. Не сумев в свое время лишить короля невинности, она надеялась теперь взять реванш и стать той избранницей, с кем Людовик XV познал бы радость супружеской неверности.

Но ее и здесь подстерегала неудача.

Она в этом с горечью убедилась на одном из вечеров, во время ужина во дворце Мюет, когда король неожиданно поднялся и произнес тост:

– Я пью за здоровье прекрасной незнакомки!.. После чего разбил свой бокал и пригласил всех присутствующих на ужине последовать его примеру.

Кто же была эта таинственная незнакомка, ставшая первой в длинном списке фавориток короля?..

Прекрасной избранницей короля оказалась молодая прелестная женщина с нежным и красивым лицом и точеными бедрами. «Она была, – писал Буа-Журден, – очаровательной, веселой и жизнерадостной женщиной, владеющей к тому же искусством разжигать страсть мужчин, однако не преувеличивавшей роли сладострастия в беседах наедине»²⁰.

Что являлось признаком хорошего воспитания.

Это была Луиза-Жюли де Майли, старшая дочь маркиза де Неслес, которой только что исполнилось двадцать два года, то есть она была ровесницей короля. Людовик навещал ее тайком, каждый раз дрожа от страха, что об их связи до-

гадается кардинал Флери.

Но он бы меньше переживал (хотя и очень бы удивился), если бы знал всю правду. В действительности сам Флери выбрал для него эту восхитительную любовницу...

Конечно, столь уважаемый и такой достойный человек, как прелат, не мог опуститься до роли простого сводника из одного лишь желания доставить удовольствие своему ученику. Чувствуя, что Людовик XV со дня на день обзаведется любовницей, которая может оказаться интриганкой, он руководствовался высшими государственными интересами. И тогда Флери стал форсировать события и решил уложить в королевскую постель женщину, не способную нанести ущерб короне²¹.

По совету Флери к королю отправился герцог Ришелье²² и во время застольной беседы стал ему нахваливать прелести мадам де Майли.

Несомненно, его доводы показались достаточно убедительными, так как на следующий день Людовик XV согласился встретиться с молодой графиней. Она пришла на свидание в «восхитительном парике и сгорая от нетерпения уступить королевскому натиску». Но государь, со свойственной ему скромностью, легким кивком головы поприветствовал молодую женщину и поспешно удалился в соседнюю комнату.

Вторая встреча была организована камердинером короля Башелье, человека Флери. На этот раз события приняли до-

вольно любопытный оборот.

Молодой женщине посоветовали «забыть, что перед ней монарх, а видеть в нем лишь мужчину». На этот раз она проявила больше смелости. Бросившись на шею короля, она прибегла к средствам, которые часто использовались бесстыдными куртизанками, чтобы доставить удовольствие мужчинам.

Людовик XV послушно позволил ей применить весь свой богатый опыт доставлять удовольствие мужчинам, но в то же время испытывал некоторое замешательство. Будучи слишком застенчивым, чтобы перейти к решительным действиям, он неподвижно сидел в кресле. Тогда раздраженный Башелье, подсматривавший за их действиями, подошел к королю и, приподняв его за локти, положил на только этого и ожидавшую графиню²³.

Нельзя, таким образом, утверждать, что Людовик XV изменил в первый раз Марии Лещинской по своей собственной воле. В дальнейшем он проявил больше смелости, и мадам де Майли не оставалось ничего другого, как только радоваться, что у нее появился такой страстный любовник...

Эта связь долго хранилась в секрете, и намек на незнакомку, хотя и вызвал некоторое любопытство у придворных, все же не позволил догадаться об имени фаворитки короля.

Целых три года мадам де Майли поднималась в определенный час по потайным лестницам в малые секретные кабинеты короля. И целых три года ни у кого не появилось да-

же и тени подозрения.

Но в 1736 году Башелье, провожавший графиню к королю через салон Ой-де-Беф, смахнул случайно капюшон с ее головы в присутствии двух дам. На следующий день весь двор только об этом и говорил. И д'Аржансон сделал в своем журнале следующую запись: «У короля, который не мог долго довольствоваться прелестями одной лишь королевы, вот уже шесть месяцев как появилась любовница, мадам де Майли...²⁴ Она не отличается умом и дальновидностью. Вот почему кардинал охотно пошел на эту сделку, чувствуя, что король нуждается в любовнице. И выплатил ей 20 000 ливров. Доказательством служит тот факт, что у нее, не имевшей ранее, кроме небольшого экипажа, ничего ценного, неожиданно появилась отличная карета. Хотя их встречи и хранились в большом секрете, нельзя было спрятать все концы в воду. А малые кабинеты короля имели десятки выходов... Уверяют, что королева ни о чем не знала. Однако она что-то подозревала и нашла утешение с господином Нанжи, хотя он и был староват для нее».

Эта последняя фраза является, безусловно, несколько лживой. Но следует признать, что Мария Лещинская вот уже некоторое время вела себя довольно свободно и не возмущалась, когда слышала грубоватые шутки. Однажды ей сказали, что иногда в окрестностях Версаля можно встретить гусаров.

— А если я встречу одного из них, — спросила королева, —

и моя охрана не сможет защитить меня?

– Ваше Величество, есть опасность, что с вами могут поступить по-гусарски, – ответил один из придворных.

– А что сделаете вы, господин де Трессан?

– Я буду защищать вас, не жалея жизни, – отвечал начальник охраны.

– А если ваши усилия увенчаются успехом?

– Тогда будет то, что происходит с псом, который защищает обед своего хозяина: сделав все от него зависящее и поняв, что у него не осталось ни единого шанса на успех, у него может появиться сильное искушение присоединиться ко всей своре.

Шутка охранника была слишком вольной и даже дерзкой, но королева, тем не менее, не рассердилась, а только рассмеялась.

Несмотря на такие довольно вольные высказывания, Марию Лещинскую нельзя было упрекнуть в легкомысленном поведении.

Поэтому можно вполне представить, какие чувства она испытала, когда узнала об измене мужа: у нее потемнело в глазах, и она чуть было не лишилась чувств. Когда Людовика XV сообщили о реакции королевы на его похождения, он очень расстроился. В тот же вечер он навестил супругу в ее покоях, чтобы объяснить свой поступок и вымолить прощение. На попытку выполнить свои супружеские обязанности

он получил гордый отказ. Как писал д'Аржансон, «король провел четыре часа в постели Марии, но она так и не удовлетворила ни одно из его желаний»²⁵. Он попросил королеву сменить гнев на милость, но та, «опасаясь заразной болезни, которую король мог подхватить от мадам де Майли, имевшей при дворе репутацию доступной женщины»²⁶, закуталась в простыню и притворилась спящей. В конце концов в три часа утра разгневанный король потерял терпение и вскочил с постели со словами:

– Ноги моей здесь больше не будет! – И ушел, громко хлопнув дверью.

В это время королева была на втором месяце беременности. Она надеялась, что рождение сына помирит ее с мужем. Однако в июле 1737 года она родила дочь.

Когда Людовику XV доложили о рождении дочери, один из придворных спросил его, не хочет ли он назвать ее «мадам седьмая»²⁷.

– Нет. Она будет зваться «мадам последняя». И все поняли, что с королевой отныне можно не считаться.

Так и получилось на самом деле. Отбросив приличия и всякую сдержанность, Людовик XV больше не прятался и открыто появлялся с мадам де Майли на всех официальных мероприятиях.

Такое пренебрежительное отношение короля к общепринятым нормам неприятно удивило его подданных. Вначале

они ограничивались тем, что распевали сатирические куплеты, а затем перешли к безудержной ругани государя и его фаворитки.

Именно этого момента давно ждал кардинал Флери. Однажды вечером он стал строго выговаривать Людовику XV, упрекая его в том, что он совершает грех, изменяя королеве.

Молодой монарх был сильно увлечен своей любовницей и, не задумываясь о последствиях, резко ответил кардиналу:

– Я передал вам все управление моим королевством. И надеюсь, что вы оставите за мной право самому распоряжаться моей личной жизнью.

Кардинал сделал вид, что удручен словами государя. На самом деле в душе он ликовал. Король только что сказал то, к чему он давно уже стремился: отныне он может единолично, не считаясь с королем, принимать решения по всем государственным вопросам.

Глава 4

Как мадам де Майли развратила склонного к меланхолии Людовика XV

*Каждая женщина в душе распутна.
Поне*

Людовик XV был человеком замкнутым и скрытным, «склонным, по словам одного из историков, к меланхолии». До знакомства с мадам де Майли он мог целыми часами стоять у окна и считать пролетающих мимо птиц – времяпрепровождение, следует признать, довольно скучное для монарха.

Молодая женщина решила развеять меланхолию короля с помощью вечеринок, которые она организовывала с фантазией и выдумкой. Кабинеты, сообщавшиеся с покоями короля через потайную дверь, по указанию мадам де Майли были со вкусом обставлены. Приглашение на такой ужин среди придворных расценивалось как особая честь. Выбранные королем женщины обычно предупреждались заранее. Что же касается мужчин, то их подвергали довольно унижительному испытанию. Вот как проходил отбор кавалеров на королевскую вечеринку, получившую название презентации. «Мужчин рассаживали в амфитеатре, – писал Альбер Мейрак, –

на скамью напротив уже получивших приглашение на ужин дам. Во время спектакля король, сидевший в своей ложе, рассматривал в большую зрительную трубу кандидатов на участие в вечеринке и делал пометки на листке бумаги. После спектакля сидевшие на скамейках знатные господа собирались у двери в “отдельный кабинет” в ожидании, когда в дверях появится дворецкий, с подсвечником в одной руке и списком в другой, и огласит имена счастливиц, которые, поклонившись другим претендентам, входили в “святая святых”.

Когда последний из гостей занимал свое место за столом, король поднимал первый бокал шампанского и приглашал присутствующих последовать его примеру. Вскоре веселый ужин превращался в настоящую оргию: женщины постепенно обнажали свои прелести, в то время как кавалеры старались доказать рядом сидящим дамам, что они “весьма приятные в общении люди”. Гулянка продолжалась всю ночь. А на рассвете слуги поднимали из-под стола государя и приглашенных кавалеров и молодых женщин, доставивших удовольствие придворным по кругу во время веселого ужина».

Эти вечеринки стали для короля лишь подготовкой к более изысканным развлечениям. Главная цель была достигнута: он больше не скучал. Однако Людовик XV не испытывал ни малейшей признательности к мадам де Майли. За оказанные услуги она получала от короля лишь небольшие подарки, а деньгами король ее почти не баловал. Дело доходило

до того, что бедняжка иногда появлялась во дворце в дырявом платье. Бескорыстие мадам де Майли вызывало лишь усмешки придворных, которые никак не могли взять в толк, почему она не хотела или не могла просить денег у своего любовника. Однажды один из них позволил заметить в ее присутствии, что король в любви так же скуп, как и в жизни. Мадам де Майли, смутившись, сказала с огорченным видом:

– Его надо простить. Ведь у Его Величества вместо сердца – кошельки!

Впрочем, ее слова к тому же были неправильно истолкованы лукавыми придворными.

В самом деле, Людовик XV обращался с мадам де Майли слишком бесцеремонно, не соблюдая даже элементарных правил учтивости. В подтверждение этого достаточно привести лишь один пример. В октябре 1737 года мадам де Майли получила от господина де Люка письмо, в котором тот обратился с просьбой пристроить при дворе одного своего знакомого. Свое прошение он закончил словами: «Одного лишь слова, произнесенного прекрасными устами такой прелестной дамы, как вы, будет достаточно для устройства моих дел». Она показала письмо королю, который в ответ громко расхохотался и грубо ответил:

– Надеюсь, вы поняли, насколько он вам по льстил, назвав ваши уста прекрасными!

Слова короля больно задела мадам де Майли, и она поспешила укрыться в оконной нише, чтобы никто не смог уви-

деть ее слез. Но присутствовавшие при этой сцене придворные тут же разнесли по дворцу слова государя и с презрительной жалостью стали сравнивать мадам де Майли с мадемуазель де Лавальер...

А в декабре придворные, следившие самым внимательным образом за всеми событиями, происходившими в интимной жизни короля, получили хорошую пищу для пересудов: Людовик XV нарушил свое слово и провел ночь с Марией Лещинской, показав себя, по свидетельству слуг, не отходивших от дверей королевской спальни до самого утра, весьма галантным кавалером.

Поведение Людовика XV сильно озадачило придворных. Эта весть быстро облетела столицу, обрадовав простой народ, и позабавила европейские дворы. Сообщение не прошло мимо Барбье, отметившего в своем дневнике: «Накануне Рождества Людовик XV провел ночь с королевой. Событие не осталось незамеченным, так как он давно не навещал королеву в ее покоях. Придворные обратили особое внимание на то, что перед посещением королевы король принял ванну. Видимо, он хотел быть во всеоружии, чтобы зачать сына, если удастся».

Но после этой ночи король снова вернулся к мадам де Майли, а в январе уже изменил своей любовнице: последствия измены оказались самыми плачевными. Вот что писал по этому поводу Барбье: «Король уже выздоравливает, но еще не охотится. Ходит слух, что он заразился сифили-

сом. Его камердинер Башелье несколько раз тайком приводил ему нескольких девиц, а болезнь не разбирает, где король...»

Заболел Людовик XV после того, как провел ночь с дочерью мясника из Пуасси, а та в свою очередь заразилась постыдной болезнью от дворцового стражника, с которым познакомилась на сельском балу.

Встретив похудевшего короля, бравый служака догадался, какой недуг подточил здоровье государя. Вспомнив, что встретил однажды дочь мясника у дверей, ведущих в спальню короля, и почувствовав угрызения совести, он поведал Флери о своем несчастье, добавив при этом, что у короля, возможно, та же болезнь, что и у него.

Срочно вызванный к Людовику XV королевский хирург Лапейронни стал лечить своего пациента старыми домашними средствами: примочками из корнишонов, огуречными компрессами, настояками и растираниями, приготовленными из тертых слизняков...

Весь двор, естественно, внимательно следил за ходом лечения, и вскоре по всему королевству добрые люди не без лукавства судачили о «неудобствах», испытываемых королем.

Придворных также волновала судьба мадам де Майли. Все интересовались, удалось ли ей избежать болезни или она все-таки получила «свою порцию неудобств»²⁸.

Ведь в XVIII веке народ был в курсе малейших подробностей личной жизни своего государя, жившего словно в стек-

лянном дворце.

В конце 1738 года мадам де Майли пригласила во дворец свою сестру Полину-Фелисите, младше ее на два года. Эта юная особа только что вышла из стен монастыря Пор-Руаяль с твердым намерением занять место старшей сестры, завоевать сердце короля, изгнать Флери и взять управление государством в свои руки.

Как видите, у нее были далекоидущие планы.

Не отличаясь привлекательной внешностью (а некоторые современники утверждали даже, что от нее дурно пахло), она тотчас принялась за дело, сумев обольстить Людовика XV, и в последний день карнавала 1738 года появилась на балу в Опера в наряде пастушки рядом с королем в костюме летучей мыши.

В то время как мадам де Майли переживала в своей парижской квартире постигшее ее несчастье, при дворе велись интенсивные поиски подходящего супруга для новой фаворитки. Его наконец нашли. Им оказался Феликс де Вентимийи, внучатый племянник архиепископа Парижа. После церемонии бракосочетания новобрачные переехали жить в Мадридский дворец. Получивший накануне 200000 ливров за фиктивный брак, Вентимийи только сделал вид, что направился в покои своей жены; в это время Людовик XV уже находился в постели его молодой жены.

С этого дня мадам де Вентимийи стала неотступно следо-

вать за королем, а он в знак благодарности осыпал ее подарками. В мае 1740 года он преподнес своей новой любовнице замок Шуази, куда и стал наносить частые визиты²⁹.

Не теряя времени даром, они сразу же ложились в постель. Мадам де Вентимийи обладала пылким темпераментом, и, как заметил один из летописцев, «король засыпал только после того, как семь раз доказывал ей силу своего скипетра»³⁰.

Успехи государя, ставшие благодаря болтливости слуг, широко известными в королевстве, радовали простой народ. На следующее утро после встречи в Шуази новость передавалась по городу из уст в уста, и даже те подданные, которые предпочитали, чтобы король более активно занимался государственными делами, были горды тем, что их король столь славно потрудились в постели...

Радости парижан не было границ в тот день, когда они узнали, что фаворитка потерпела поражение в очередном любовном сражении – утомилась раньше своего любовника.

В самом деле, однажды на рассвете мадам де Вентимийи совсем выбилась из сил и отказалась сыграть с королем последнюю партию «на посошок», сославшись на головную боль. Сильно разгневанный король поднялся с постели со словами:

– Я знаю, мадам, средство, которое быстро излечит ваш недуг: вам надо отрубить голову. У вас слишком длинная шея, и вы не почувствуете боли. После замены вашей крови

на кровь ягненка ваш характер, столь злой и неприветливый, станет намного мягче³¹.

Слова Людовика XV облетели все королевство.

Но размолвка любовников была непродолжительной, как всякая ссора влюбленных. Благодаря стараниям короля мадам де Вентимийи 1 сентября 1741 года разрешилась крупным мальчиком, получившим титул графа де Люк.

Фаворитка могла уже рассчитывать на самое блестящее будущее, когда ее подкосила послеродовая горячка. Людовик от горя потерял голову. Он распорядился раскидать сено под стенами дворца, чтобы заглушить стук копыт, и отключить все фонтаны. Жизнь во дворце замерла на целую неделю. А 9 сентября мадам де Вентимийи скончалась в страшных муках.

Король был безутешен. Опустив полог своей постели, он проплакал весь день.

Несколько недель он перечитывал все письма, которые посылал любовнице и получал в ответ.

В конце концов ему пришлось снова вернуться к мадам де Майли. Но король в то же время не забывал и о маленьком графе де Люк, имевшего с ним поразительное сходство, за что придворные уже прозвали его «полу-Людовик».

Глава 5

Мадам де Шатору отправляет короля воевать во Фландрию

*Если мужчина влюблен, женщина может
вертеть им как захочет.*

Фонтенянь

На смену мадам де Майли вскоре пришла новая фаворитка. В начале 1742 года король, не любивший менять привычки и уже прикипев сердцем к одной семье, проявил интерес к третьей сестре, герцогине де Лораге.

Молодая женщина не отличалась большой красотой, но, как отмечал летописец, «имела формы приятной округлости, крепкую и упругую грудь и пышные бедра»³². Другими словами, она была крепкого телосложения. А как раз женщины этого типа больше всего ценились мужчинами в XVIII веке.

Людовик XV воспылал к герцогине такой пылкой страстью, что удивил даже издававших виды придворных. Он ухитрялся воздавать должное ее прелестям повсюду, где только мог: на скамейках, диванах, креслах и банкетках дворца и даже на ступеньках лестниц, – а счастливая герцогиня, проявляя «немалый интерес к такому занятию», не заставляла

его долго ждать и сопровождала любовные игры радостными возгласами.

Государь вскоре перешел с ней к развлечениям, не принятым в обществе. В один прекрасный вечер он пригласил мадам де Майли присоединиться к их компании, пожелав «возлечь между двумя сестрами, имевшими совершенно разное телосложение».

Мадам де Майли согласилась. Она ведь так любила короля...

Однако Людовик XV не получил от этого развлечения ожидаемого удовлетворения и впал в меланхолию, как в былые дни.

В конце концов герцогиня де Лораге надоела королю. К тому же она была глупа, и ему с ней не о чем было говорить. Решив ее покинуть, он все же захотел, чтобы она на всякий случай оставалась под рукой. И назначил ее фрейлиной в свиту дофины...

Осенью 1742 года мадам де Майли посчитала себя достаточно влиятельной особой, чтобы заняться политикой. Увы! В ноябре было перехвачено письмо маршала Бель-Исла, адресованное маршалу Маебуа, где недвусмысленно говорилось о роли, которую играла фаворитка за спиной короля. Узнав об этом, Людовик XV тут же порвал с ней³³.

Верный своей привычке, Людовик XV обратил свой взор на четвертую сестру из семейства Несле, которая была заму-

жем за маркизом де Флаванкуртом. Король давно уже уложил бы ее в свою постель, но опасался ее супруга, который был известен при дворе своей ревностью. Узнав, что Людовик XV обратил свой взор на его жену и покушается на ее честь, этот тяжелый в общении человек пригрозил маркизе, что пристрелит ее, если узнает, что она ведет себя так же, «как ее распутные сестры...».

Разочарованный неудачей, король обратил наконец внимание на самую младшую из сестер Несле, Марианну, вдову маркиза де Латурнель, умершего в 1740 году.

Однажды поздним вечером король навестил Марианну в ее апартаментах в сопровождении герцога Ришелье. Оба переоделись в платье медиков, чтобы не вызвать подозрений у Могаса. И красавица, как писали братья Гонкур, «получила первые признания в любви от короля в парике»³⁴.

Прежде чем лечь в постель с королем, молодая вдовица выдвинула ряд условий. Прежде всего она потребовала, чтобы король публично отрекся от своей бывшей любовницы мадам де Майли, ее родной сестры. Кроме того, Людовик XV должен был признать ее официальной любовницей и предоставить права, которые имела в свое время покойная мадам де Монтеспан, а именно: «...выделить ей апартаменты, достойные ее положения при дворе, не бегать по свиданиям на потайных квартирах, как это он делал, живя с ее сестрами, позволить ее родственникам появляться при дворе, приходить к ней открыто ужинать, предоставить ей право, в случае

необходимости, брать деньги из королевской казны, вручить ей через год грамоту на пожалование титула герцогини, заверенную парламентом, и, наконец, признать законными ее детей в случае рождения»³⁵

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.